

Д.Б.Терешкина

ХРИСТИАНСКАЯ ИДЕЯ В РАССКАЗЕ В.ВЕРЕСАЕВА «В СТЕПИ»

Целью статьи является анализ рассказа В.Вересаева «В степи» с точки зрения отражения в нём христианской идеи. Не будучи высказанной прямо, эта идея читается в подтексте изображения автором событий, относящихся к религиозной проповеди среди мирян странствующим самозванцем-паломником. Основное содержание исследования составляет композиционный и контекстный анализ, включающий в поле интерпретации произведения другие тексты, актуализирующие смысл изображенного: Священное Писание, Киево-Печерский патерик, жития святых, апокрифы. По итогам проведенного исследования автором сделан вывод о сложном смысле текста, исключающем однозначные оценки действия того или иного героя. Общая идея рассказа, тем не менее, однозначно христианская: служение Богу должно быть прежде всего служением ближнему. В статье вводится в оборот литературоведческий анализ рассказа В.Вересаева, наследие которого в последние годы вновь становится предметом исследовательского интереса.

Ключевые слова: проповедь, религиозность, христианство, легенда, житие святого, апокриф

В последнее время наблюдается активизация исследовательского интереса к творчеству Викентия Вересаева — писателя, чьи произведения sporadически появлялись в печати в советское время, но чьё имя по-настоящему было открыто лишь в постсоветское время. Заново прочитываются романы и рассказы писателя, и если романам в последние годы уделяется много внимания, отдельные образцы «малой прозы» В.Вересаева ещё ждут своего часа.

Рассказ В.В.Вересаева «В степи» был написан в 1901 г., в этом же году был опубликован в 9-м номере журнала «Мир Божий» с подзаголовком «Очерк». По свидетельству Л.Х.Абрикосова, из рассказов В.Вересаева именно этот особенно ценил Лев Толстой [1, с. 392].

Целью предлагаемой статьи является анализ рассказа В.В.Вересаева «В степи» с точки зрения отражения в нем констант христианского понимания мира. Именно с этой позиции текст рассказа читается не как иллюстрация социальных противоречий, а как притча, воспринимаемая в контексте непреходящих моральных и религиозных ценностей, вне зависимости от конфессиональной принадлежности героев, но преподнесенная в русле православной традиции, в которой находятся персонажи рассказа.

Действие рассказа В.В.Вересаева «В степи» происходит на широком фоне страданий русского народа в трудный засушливый год конца XIX в., когда косари, по привычке пошедшие «из России» в степь на работы, впали в полное разорение, оставшись без найма и всяких средств к существованию. Часть из них вынуждена была ни с чем возвращаться по домам, всеми правдами и неправдами пытаясь доехать «зайцами» хотя бы часть пути по железной дороге; прочие уходили на Черноморье и Кубань, в надежде добыть хоть какой-нибудь заработок. Героями рассказа становятся два путника: косарь Никита, не нашедший работы и добирающийся до дома с поврежденной ногой и обнищавший до крайности, и старичок-странник. Странник путешествует по селам и деревням как проповедник, со «святым припасом», берет подаяние и плату за поминовение в святых местах, где он, судя по всему, никогда не был. Однако он прекрасный оратор, знает много святых легенд, сказаний о чудесах и житий угодников, вооружился изображениями Богородицы и святых — героев своих рассказов, и в голодное для других время старичок всегда одарен своими простодушными слушателями едой, деньгами и водкой. С Никитой странник встречается в степи, когда, изможденный голодом, жарой и болью в ноге, косарь почти теряет сознание. Странник делится с Никитой едой и водкой и предлагает ему путешествовать вместе с условием, что Никита будет молчать среди народа: как потом оказывается, странник представляет своего спутника глухонемым, над которым будто бы совершилось чудо Богородицы, и сострадающий «немому» народ более щедро дает им обоим милостыню. Никита, неприятно пораженный таким оборотом дела, после первой же проповеди отказывается от «сотрудничества» со своим спутником и уходит в голодную степь дальше пробираться к дому в одиночку.

Конфликт двух героев обнаруживается при первой встрече Никиты со странником. Старичок относится к Никите ласково, по-отечески, делится с ним своим припасом, доверяет ему, решаясь на опасное путешествие вместе по степи. Никита же сразу видит в страннике чуждую душу, агрессивен по отношению к нему и не скрывает своего осуждения «странным» делом спутника. Конфликт достигает апогея в конце рассказа, когда после первой же проповеди и открывшегося обмана Никита говорит старичку: «Тебе одна дорога, мне — другая... Прощай, брат!» [1, с. 276]. Искренне изумленный старичок называет Никиту «дурой деревенской» и смеется над его глупостью. «Никита исподлобья оглядел странника — и вдруг, закусив губу, с размаху ударил его тяжелым кулаком в лицо, — ударил больно, крепко, с дикою радостью ощущая, как хрястнул под кулаком нос его спутника... Странник, с залитым кровью лицом, сидел на земле и испуганно-плачущим голосом ругался. А Никита, не оглядываясь, шел вперед в темневшую степь» [1, с. 276].

Стоит полагать, что основной пафос рассказа направлен против лживости и показной праведности представителей церкви. Возможно, именно поэтому рассказ оценил Лев Толстой. Однако смысл произведения, несомненно, не только в этом. Читать другие уровни текста позволяет анализ деталей рассказа.

Внимательный читатель сразу понимает, что старичок-странник в деле паломничества и проповеди «от лица церкви» является самозванцем. Это вмиг смекнул и Никита, по нескольким вопросам понявший, что старичок нигде не странствовал, о чем рассказывает своим благодарным деревенским слушателям, нигде, кроме своих сёл, не бывавшим. Проникновенно вещающий селянам о святых местах и чудесах старичок не останавливается в сёлах и деревнях, предпочитая ночевать в степи. Видимо, для этого он и кооперируется с Никитой, верно просчитав в нём изголодавшегося и отчаявшегося человека. Однако Никита не покупается на «дармовую» еду, добытую, как он понял, легким и хитрым делом. И в данном случае это не бунт против «церковников» как таковых (о церкви в рассказе нет речи), а против конкретного человека, в котором Никита рассмотрел бывшего «стрелка» (согласно словарю военных терминов и устаревших слов, «стрелок» — «нижний чин отборных подразделений пехоты» [2]), смекнувшего, на что «покупаются» люди и чем можно легко заработать.

Стоит признать, что рассказы странника оказываются чрезвычайно востребованными среди простого населения степных деревень. Люди верят легендам о чудесах и охотнее дают милостыню «немому», чем реальному человеку, больному и нуждающемуся в помощи (тому же Никите, до встречи со старичком не видевшему щедрой милостыни). В этом смысле суд Никиты над странником выглядит чрезмерно суровым: народ получает то, что ему нужно, и готов платить за это небольшой (в пересчете на каждого) мздой. Надо сказать, сам Никита оказался под влиянием рассказов странника, в проповедь которого входили как вполне канонические тексты православной традиции, так и вольные интерпретации известных сюжетов, и апокрифы.

К последним, например, относится рассказ о строителях Успенского храма в Киево-Печерском монастыре. Странник называет их плотниками, хотя известная легенда о двенадцати зодчих храма указывает, что они были каменщиками, над которыми совершилось чудо Богородицы. В пересказе спутника Никиты строители также находятся под покровительством Божией Матери, но так же, как это читается в апокрифических текстах, Она не милует провинившегося, тринадцатого из них, выбравшего не Царствие Небесное, а земное богатство, а предоставляет двенадцати самим решить его загробную судьбу. Они, уже лежащие в Киевских пещерах как угодники, сдвигаются, чтобы дать место оставшемуся брату, «только не хватило для него целого места, втиснулся он промеж них плечом. Так по сие время и лежат, — двенадцать к небу ликом, а этот промеж них боком...» [1, с. 274-275]. Примечательно, что странник остается в стилистике Киево-Печерского патерика, изобилующего подобными сюжетами с монастырской братией, когда монахи помогают друг другу в виде прижизненных и посмертных чудес [3].

Особое впечатление на Никиту производит даже не это чудо, а Житие Никиты — столпника Переяславского. Быть может, тезоименитство святому так подействовало на восприятие Никитой его жития, но, несомненно, проникновенный рассказ странника об угоднике возбудил в косаре новые чувства. «Хорошо рассказывал странник. Лицо у него было светлое и вдохновенное, голос проникал в душу. Кругом молчали. Солнце село. Никита смотрел на лежавшую перед ним фотографию и не мог оторвать глаз: высокий, худой и изможденный, стоял угодник на бревенчатом срубе; всклокоченная седая борода спускалась ниже пояса, щеки осунулись, лицо было бледное и мертвенное; потухшие, белесые, как у трупа, глаза смотрели в небо» [1, с. 275]. Следует отметить, что житие святого, изображенного на иконе, странник рассказывает весьма близко к тексту. Никита, святой XII в., уроженец Переяславля Залесского, был суров и горяч нравом, много зла причиняя людям. Однажды он созвал в свой дом друзей на обед и принес с рынка провизии, чтобы приготовить угощение. Жена, взявшись варить мясо, увидела в котле кипящую кровь и части человеческого тела. Никита, увидев это, понял, что грехи его достигли предела, и ушел в ближайший монастырь, где попросил игумена постричь его в монахи и спасти его душу. После долгих просьб Никиты и испытаний его игуменом Никита наконец был пострижен в монахи. Послушанием он выбрал себе столпничество — стояние в столпе в беспрестанной молитве, откуда он ходил узкой тропой только в церковь на молитву. За свои подвиги Никита Переяславский получил от Бога дар чудотворений и, погибший в 1186 г. от рук разбойников, принявших его светлые от постоянного ношения вериги за золотые, совершал посмертные чудеса и был причислен к лику святых. Память ему совершается 24 мая [4].

Подвиг святого Никиты заставляет героя рассказа по-иному взглянуть на свои страдания, которые не шли ни в какое сравнение с тем, что испытал переяславский святой. «И странное что-то творилось с Никитой. <...> По этой степи он скитался два месяца, злобный от голода и унижений, полный одним собою. Все пережитое, вся злоба и страдания казались ему теперь мелкими, и он стыдился их. Стыдился, что муки эти он переносил для самого себя, и что они так малы и ничтожны, и что в них нет ничего, что уносило бы его вверх, прочь от земли, как этого угодника» [1, с. 275-276].

Странник оказывается транслятором письменной житийной традиции, о которой он, судя по всему, достаточно осведомлен. Жития святых, в том числе в виде разных редакций годового корпуса житий — «Четьих-Миней» — были очень распространены в народной среде [5]. В среде простонародной — в том виде, о котором говорил в свое время Ф.М.Достоевский: «...по всей земле русской... распространен дух Четьи-Миней... потому есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказчиц о житиях святых. Рассказывают они из Четьи-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушиваются... Я сам в детстве слышал такие рассказы... Слышал я и потом эти рассказы, даже в острогах у разбойников, и разбойники слушали и вздыхали... В этих рассказах для русского народа... нечто покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди получали нередко странное, неудержимое желание идти странствовать, очиститься трудом, подвигом» [6, с. 45].

Судя по всему, этим духом — подвигом во имя Господне — проникся и Никита. Этот подвиг состоял для него лишь в преодолении тех тягот, которые до встречи со странником казались ему непосильными. Укрепление примером тезоименитого ему святого позволило Никите найти в себе силы добираться до дому, со смирением принимать испытания и не роптать на судьбу. Можно сказать, что слово странника достигло своей цели: его вдохновенный рассказ стал проповедью, основная задача которой — душевное исцеление человека и его вера в собственные силы.

Именно поэтому вся последняя, четвертая часть рассказа воспринимается как чрезмерно суровый суд Никиты над своим спутником. Несомненно, косарь, с его здравым и честным народным умом, привыкшим считать добродетелью тяжелый физический труд и справедливую плату за него, с пренебрежением относится к «легкому» хлебу странника. Ещё более обескуражен он обманом своего спутника (см. о мастерстве диалога у В.Вересаева [7]). Однако в своем пренебрежении к образу жизни «стрелка» Никита недалеко уходит от многовековой традиции русского народа, заключающейся в настороженном, а иногда откровенно враждебном отношении мирян к монахам и всем представителям церковного причта. «Киево-Печерский патерик» и вся русская агиография полны сюжетов о том, как над монахами либо посмеивались миряне, в том числе знатные, или откровенно глумились над ними, не боясь Божьего суда и законного возмездия за свои злодеяния. По сути, Никита, в его «дикой» силе, душевных терзаниях и физических страданиях, являет полярность русского народа в его отношении к вере — от крайнего безбожия до проникновенной, почти экзальтической веры в религиозное чудо. Н.Лосский пишет в своем знаменитом труде «Характер русского народа»: «Прав Бердяев, что русское православие сосредоточено на эсхатологии, на стремлении к Царству Божию, т. е. к сверхземному абсолютному добру» [8, с. 15], далее в этом труде посвящая целую главу «недостатку средней области культуры» у русских [8, с. 117-121], порождающему максимализм русских («всё или ничего») и приводящему их к крайней степени отрицания и разрушения, в том числе собственной жизни.

Нет сомнения, что странник рассказа В.Вересаева не является ни монахом, ни даже церковником в истинном смысле слова. Его сомнительное «ремесло» (или, как он сам говорит Никите, «моё дело легкое» [1, с. 272]) по большому счету нельзя назвать ни странничеством, ни тем более подвижничеством во имя Христово. Примечательно, что спутник Никиты ни разу не назван по имени, происхождение и истинные дела его неизвестны, и сам он, неуловимый и непонятный, является в степи как призрак-искуситель Никиты — подобно всему, что окружало его долгие недели и месяцы скитаний и порождало миражи. Но у странника свой путь испытаний. Он, проникшийся сочувствием к обнищавшему косарю, делившийся с ним всем, что сам «заработал», ласково называвший спутника «Никитушкой», по-отечески опекая его, получает от него увечье, по сути не сделав Никите никакого зла. Сломанный нос (В.Вересаев, как врач, понимал, насколько серьёзна подобная травма) обезобразил аккуратную, ладную внешность странника, а скрытое недоверие бывшего стрелка к народу, среди которого он проповедовал, обернулось непосредственно к нему дикой, разбойной стороной (см. о жестокости в романе В.Вересаева «В тупике» (1920—1923 гг.) в статье Д.А.Новичковой [9]). И хотя Никиту нельзя назвать разбойником, ибо он уходит от достатка, а не ищет его, всё же бродячий косарь становится в одну череду тех «разбойников с большой дороги», от которых во все времена страдали монастыри, богомольцы и праведные миряне. Н.Лосский, отмечая нигилизм и хулиганство как отличительные стороны русского характера, пишет: «Не только среди крестьян, и в других слоях русского общества молодые люди, усомнившиеся в существовании добра, не обладая выработанным устойчивым характером и пользуясь живым изобретательным воображением, способны совершать изумительные хулиганские выходки» [8, с. 141]. Никита наносит увечье своему спутнику исключительно из чувства самоудовлетворения в своей силе и, по его мнению, правоте. Эта грубая физическая сила, проявленная по отношению к слабому, какими бы мотивами ни оправдывавшаяся, является уничтожением той правды, за которую, как он думает, борется Никита. Если тезоименитый ему святой, Никита Переяславский, пошел на подвиг отречения от всего земного из-за своих грехов, то герой рассказа уходит в голодную степь, осуждая грехи своего брата во Христе, хотя и идущего другой дорогой к Нему. Скорый на суд и расправу, герой рассказа словно забывает главное, чему учит христианство: прощение и любовью к ближнему. Исконное стремление к подвигу подменяет у русского человека ежедневное подвижничество, которое есть в первую очередь самоотречение и постепенная, долгая молитвенная борьба с собственными грехами. До этого еще стоит дойти Никите-косарю, подменившему человека идеей.

До собственного прозрения в результате испытаний следует дойти и страннику, только вставшему на путь проповеди Христа. Если сейчас он кормится именем Христовым буквально, зарабатывая увлекательными рассказами о Его угодниках, то впоследствии должен прийти, если будет на то Божья воля и его собственное желание, к пониманию самого Христа как Хлеба жизни (Ин. 6:48) и искренней любви к Нему.

Примечательно, что в рассказе не звучит отчетливого авторского голоса, и однозначно решить, как к изображаемому относится автор, невозможно. По отношению к роману «В тупике» Д.А.Новичкова пишет: «Он [Вересаев — Д.Т.] не прибегает к публицистической форме оценок ни одной из сторон» [10, с. 3]. И в малой форме рассказа, становящегося почти притчей, автор отказывается от оценивания событий и характеров, предоставляя сделать это читателю.

Южнорусская степь в рассказе В.Вересаева становится символом пустыни, по которой сорок лет скиталось племя Моисея после исхода из Египта (Чис. 11:7). Тогда Бог кормил Своих людей манной небесной, что позволило им выжить. Но потом ветхозаветное племя умерло (Ин. 6:49), ибо манна в земле обетованной людям уже не была дарована. В голодной степи Новозаветного времени Вересаевского рассказа люди искали хлеба, забыв Христа: «Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек» (Ин. 6:51), ибо

верующему даётся по вере его, в том числе хлеб насущный. По мысли В.В.Вересаева, Христа нет и не будет там, где человек приносит страдания другому человеку. Эта идея красной линией проходит через всё творчество писателя.

Христианская идея в рассказе В.В.Вересаева «В степи» заключается не только в очевидных отсылках к Священному Писанию и Священному Преданию христианства в виде образов, текстов житий, патерика и «потаянной литературы» (апокрифов, сказаний и легенд полуфольклорного происхождения). Главный смысл христианства — любовь к Богу через любовь к ближнему своему — выражен в истории двух людей, несовершенных по своей сути, но и не пришедших к пути совершенства даже в сосуществовании друг с другом в тяжелое время, при очевидной и возможной помощи друг другу. Это разъединение людских душ, так и оставшихся в дикой степи одинокими и неприкаянными, стало главной причиной предстоящих национальных потрясений. Не классы и сословия разделяют людей, а поругание человеческой сути, за сохранение которой (как бы она ни называлась, в том числе самим В.В.Вересаевым, сложно относившимся к религии) всю жизнь ратовал писатель.

1. Вересаев В.В. Повести. Рассказы / Сост. Н.Н.Акопова; вступ. ст. и прим. Ю.У.Фохта-Бабушкина. М.: Правда, 1980. 400 с.
2. Словарь военных терминов и устаревших слов [Электр. ресурс]. URL: <https://gigabaza.ru/doc/148754-pall.html> (дата обращения: 25.06.2019).
3. Киево-Печерский патерик / Подгот. текста Л.А.Ольшевской; пер. Л.Д.Дмитриева; коммент. Л.Д.Дмитриева, Л.А.Ольшевской // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 296-489.
4. Пролог. Март — май. М., 1696. Л. 386 об.-389 об.
5. Терешкина Д.Б. «Четгы-Миней» и русская словесность Нового времени. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2015. 332 с.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876 г. Январь — апрель // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1981. 407 с.
7. Новичкова Д.А. Мастерство диалога в романе В.В.Вересаева «В тупике» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 135-142.
8. Лосский Н.О. Характер русского народа: В 2 кн. Кн. 1. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. 152 с.
9. Новичкова Д.А. Роман В.В.Вересаева «В тупике»: летопись «хамского» царства революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 141-148.
10. Новичкова Д.А. Духовный мир персонажей романа В.В.Вересаева «В тупике» [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 2(14). URL: <https://www.novsu.ru/file/1442235> (дата обращения: 25.06.2019).

References

1. Veresaev V.V. Povesti. Rasskazy [Novel. Stories]. Moscow, 1980. 400 p.
2. Slovar' voennykh terminov i ustarevshikh slov [Dictionary of Military Terms and Obsolete Words]. Available at: <https://gigabaza.ru/doc/148754-pall.html> (accessed: 25.06.2019).
3. Kiev-Pecherskiy paterik [Kiev-Pechersk Patericon]. Biblioteka literatury Drevney Rusi. Saint Petersburg, 1997. Vol. 4: XII vek, pp. 296-489.
4. Prolog. Mart — may [Prologue. March — may]. Moscow, 1696. L. 386 ob.-389 ob.
5. Tereshkina D.B. "Chet'i-Minei" i russkaya slovesnost' Novogo vremeni ["Chetyi-Minei" and Russian Literature of the New Time]. Velikiy Novgorod, 2015. 332 p.
6. Dostoevskiy F.M. Dnevnik pisatelya. 1876 g. Yanvar' — april' [Diary of a Writer. 1876, January — April]. In: Dostoevskiy F.M. Complete works in 30 vols, vol. 22. Leningrad, 1981. 407 p.
7. Novichkova D.A. Masterstvo dialoga v romane V.V.Veresaeva "V tupike" [Mastery of Dialogue in V.V.Veresaev's Novel "At an Impasse"]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Seriya: Russkaya filologiya, 2018, no. 4, pp. 135-142.
8. Losskiy N.O. Kharakter russkogo naroda [Character of the Russian People] in 2 vols, vol. 1. Frankfurt-na-Mayne, Posev Publ., 1957. 152 p.
9. Novichkova D.A. Roman V.V.Veresaeva "V tupike": letopis' "khamского" tsarstva revolyutsii [V.V.Veresaev's Novel "At the dead end": the Annals of "Boorish" Kingdom of Revolution]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Seriya: Russkaya filologiya, 2017, no. 5, pp. 141-148.
10. Novichkova D.A. Dukhovnyy mir personazhey romana V.V.Veresaeva "V tupike" [The Spiritual World of the Characters of the Novel by V.V.Veresaev "At the dead end"]. Memoirs of NovSU, 2018, no. 2(14). Available at: <https://www.novsu.ru/file/1442235> (accessed: 25.06.2019).

Tereshkina D.B. The Christian idea in the story by V.Veresaev "In the steppe". The purpose of the article is to analyze the story by V.Veresaev "In the steppe" in terms of reflection of the Christian idea in it. Without being expressed directly, this idea is read in the subtext of the author's depiction of events relating to a religious sermon among the laity by a wandering impostor-pilgrim. The main content of the study is a compositional and contextual analysis, including in the field of interpretation of the work other texts that update the meaning of the image: The Holy Scripture, the Kiev-Pechersk Paterik, the hagiography, the apocryphal stories. According to the results of the study, the author concludes about the complex meaning of the text, excluding unambiguous assessment of the actions of the heroes. The general idea of the story, however, is unambiguously Christian: the service of God should be primarily the service of the fellow man. The article introduces the literary analysis of the story by V.Veresaev, the legacy of which becomes the subject of research interest in recent years again.

Keywords: preaching, religion, Christianity, legend, hagiography, apocryphal story.

Сведения об авторе. Дарья Борисовна Терешкина — доктор филол. наук, профессор кафедры кадровой политики и управления персоналом; Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ (Новгородский филиал); terdb@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.